

УДК 94(571)«16»

DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10405

И. Л. Манькова

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА И СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме участия монастырей в духовной жизни населения Урало-Сибирского региона в процессе его колонизации. Показана динамика возникновения монастырей по мере заселения территории русскими. Сначала обитатели основывались в городах-острогах, являвшихся опорными базами освоения, затем на уездных еще малоосвоенных землях стали появляться пустыни и скиты. Инициаторами их создания выступали миряне, монашествующие и епархиальные власти. В монастыри людей приводили разные жизненные ситуации, часто они принимали решение принять постриг под давлением жизненных обстоятельств. На начальном этапе колонизации монастыри выполняли в первую очередь функции богаделен и сакральной защиты территории проживания православного населения. Это объясняется сложными условиями жизни на колонизируемых землях. Вместе с тем, монастыри способствовали укреплению норм благочестия в местных сообществах. Миряне ходили в монастыри на богомолье, делали вклады на помин души. В некоторых монастырях появились особо почитаемые святыни — чудотворные и местночтимые иконы, мощи местных святых, могилы основателей обителей. К концу XVII в. некоторые монастыри стали подлинно духовными центрами. Этому способствовали стабильность внутримонастырской жизни, обладание святынями, широкая популярность и авторитетность некоторых старцев — подвижников благочестия. Участие монастырей в христианизации коренного населения выразилось в том, что в них проводились катехизация и крещение, монастырские вотчины становились местами проживания новокрещенов. По просьбе кондинских остяков был создан Кондинский Троицкий монастырь. Началом активной миссионерской политики Москвы в Сибири можно считать решение церковного Собора 1680 г. об отправке за Байкал на р. Селенгу так называемой «Даурской духовной миссии» во главе с игуменом Феодо-

Роль монастырей в духовной жизни населения Урала и Сибири в XVII веке

сием. Сохранившиеся документы не позволяют оценить результаты и масштабы миссионерской деятельности селенгинских иноков.

Ключевые слова: колонизация Урала и Сибири, история Православия XVII в., монастыри, чудотворные иконы, мощи святых, христианизация.

Цитирование. Манькова И. Л. Роль монастырей в духовной жизни населения Урала и Сибири в XVII веке // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 160–178. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10405

История освоения Сибири привлекала и будет привлекать внимание еще не одного поколения исследователей, поскольку многогранность этого процесса поистине неисчерпаема. В результате русской колонизации на сибирских просторах формировался свой особый социум, объединявший людей с разными интересами, настроениями, жизненными стратегиями. Трудности превращения «чужой» земли в «свою» в условиях то противостояния, то замирения с аборигенным населением, а также социальный и гендерный состав русских первопоселенцев накладывали свой отпечаток на их образ жизни и менталитет. Существует мнение, что сибирские колонисты XVII в. были «менее религиозны, чем жители центральной части страны и чаще нарушали церковные запреты и православную обрядность»¹. Выбранная для статьи тема о роли монастырей в духовной жизни колонизируемой территории представляется важной для понимания проблемы религиозности русских первопоселенцев в Сибири.

На сегодня наиболее исследована социально-экономическая деятельность монастырей, показана их роль в хозяйственном освоении территории, но еще остается немало «белых пятен» в истории сибирских обитателей XVII в. Ситуация осложняется скудной источниковой базой. История сибирских монастырей XVII в. реконструируется в основном по материалам светского делопроизводства, сохранившимся в фондах Сибирского приказа и уездных приказных изб (Российский государственный архив древних актов, Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН, Государственный архив Тюменской области и др.). Часть документов дошла до нас в копиях XVIII в. из фонда «Порт-

¹ Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронта. Автореф. дисс. ... к. и. н. Томск, 2008. С. 28.

фели Миллера» (СПб Архив РАН, РГАДА) и фонда Тобольской духовной консистории (Государственный архив в Тобольске). Тем не менее и этот ограниченный круг источников позволяет в определенной степени осветить заявленную в статье тему.

Закрепление русских на сибирских землях начиналось со строительства городов-острогов, которые становились опорными базами распространения русского влияния. Это были административные и торговые центры, места дислокации военных гарнизонов. Закономерно, что большинство сибирских монастырей было основано в городах-острогах или на некотором расстоянии от них. Первый сибирский монастырь был построен в Верхотурье — важнейшем транзитном пункте на главной дороге через Уральский хребет². По этой дороге шел основной поток людей в Сибирь: служилые люди ехали по царским указам на государеву службу, черносошные крестьяне из Поморья шли на восток в поисках свободных и плодородных земель, «гуляющие люди» надеялись обрести лучшую долю в неведомых землях. Многие оседали в верхотурской округе и становились земледельцами, плотниками на судовых «плотбищах», ямщиками. В Верхотурье останавливались торговцы, в том числе представители известных купеческих домов, ехавших в Сибирь за пушниной, сюда свозились хлебные запасы для сибирских гарнизонов, перегружались на суда и отправлялись на восток по сибирским рекам. На запад через верхотурскую таможенную поступала основная часть пушнины. Закономерно, что именно в Верхотурье уже в начале XVII в. появился монастырь. Инициатором его основания стал иеромонах Иона Пошехонец. Он начал с возведения храма с престолами во имя св. Николая Мирликийского и свв. Бориса и Глеба. Самый ранний документ, в котором идет речь о строительстве Николаевского монастыря, это царская грамота от 26 февраля 1604 г.³ К тому времени возведение церкви уже завершалось, но предстояло еще поставить кельи и ограду. Датой основания Верхотурского Николаевского монастыря принято считать 1604 г.

² Часто древнейшим монастырем Сибири называют Тобольский Успенский (затем — Знаменский) мужской монастырь, якобы ведущий свое начало от Зосимо-савватиевской пустыни, возникшей в конце XVI в. Однако эти факты не подтверждаются документально. Подробнее см.: Манькова И. Л. Тобольский Знаменский монастырь в первой половине XVII века: рождение и становление // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 139–178.

³ Акты исторические (АИ). Т. 2. СПб., 1841. С. 59. Грамоту доставил в Верхотурье стрелец Степан Карпов 19 июля 1604 г.

В первой половине XVII в. мужские и женские монастыри возникли в Тобольске, Тюмени, Верхотурье, Туринске, Березове, Таре, Енисейске, Томске и Красноярске. Местные сообщества по мере своих возможностей поддерживали обители вкладами и пожертвованиями, участвовали в жизни и благоустройстве монастырей. Для жителей городов и округи монастыри являлись тем местом, где можно было поселиться в старости и немощи, принять схиму перед смертью. На ранних этапах своего существования многие обители были малочисленными. Это объясняется трудным материальным положением монастырей, поскольку государство предпочитало не назначать денежную и хлебную ругу, а возлагать содержание монашествующих на их родственников и саму общину⁴. Поэтому миряне, сибирские архиепископы (особенно первый, преосвященный Киприан), а также монашеские общины добивались наделения монастырей земельными владениями. Именно монастырские вотчины стали основным источником существования мужских обителей. Женские же общины жили в основном за счет подаяний, государевой руги, в некоторых случаях — помощи мужских монастырей.

Как правило, сибирские монастыри строились за пределами острога или на окраине посада около въездов в город. Такое расположение обеспечивало и сакральную защиту города, и уединение от мирской суеты монашествующих. Известны случаи, когда обители начинались с поселения старцев или стариц около приходской церкви на посаде. Таким путем возникли Березовский Воскресенский мужской, Тюменский Ильинский женский, Тобольский женский, Тарский Пятницкий женский, Туринский Покровский мужской монастыри. Спустя некоторое время для них строился монастырский комплекс на окраине⁵. Существует мнение, что «многие» сибирские обители, размещаясь вне острогов, выполняли и оборонительные функции по отношению к ним⁶. Однако в историографии известен лишь один случай, позволяющий сделать по-

⁴ Тобольский архиерейский дом в XVII веке / *сост.* Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 197. Руга была назначена незначительному количеству монастырей, возникших в первой четверти XVII в., она выдавалась не по численности братии, а на установленное количество иноков.

⁵ Так произошло в Березове, Тюмени и Туринске.

⁶ Федоров И. Г. Очерки по истории монастырей приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск, 2017. С. 19.

добного рода наблюдение. Вслед за С. В. Бахрушиным ряд историков считают, что Красноярский Введенский монастырь, основанный в 1639 г. ниже Красноярского острога на правом берегу Енисея, защищал город с востока от набегов енисейских кыргызов⁷. Заниматься собственной защитой были вынуждены обитатели, размещавшиеся на уездных землях в контактных зонах проживания колонистов и аборигенов. Известно, что во время Башкирского восстания 1662–1664 гг. нападению подверглись Невьянский Богоявленский и Далматовский Успенский монастыри. Во время набегов жители ближайшей округи пытались спастись за монастырскими стенами, но деревянные укрепления не всегда были надежной защитой. Позднее, в первой половине XVIII в., Далматовский монастырь был опоясан мощной каменной стеной и стал неприступной крепостью в системе оборонительных линий Южного Зауралья.

В Восточной Сибири ряд обителей начинались как пустыни⁸ на некотором расстоянии от острогов, но при этом сохраняли тесные связи с их населением. По мере земледельческого и промыслового освоения территории пустыни стали появляться в удалении от городов. Таким образом начинались Тагильский Рождественский, Невьянский Богоявленский, Рафайловский Троицкий, Братский Спасский, Лосиноборский Спасопреображенский (Кетская пустынь), Селенгинский Троицкий, Посольский Преображенский (Николаевская пустынь) и Кашиновшерский Спасопреображенский монастыри. Несколько сибирских монастырей ведут свое начало от скитов. Их основывали старцы, стремившиеся к уединению от мира. Отшельничество и аскетизм были для них средствами духовного совершенствования. Через некоторое время к ним приходили монахи и миряне. Они строили церковь и кельи, в результате появлялась пустынь. Затем подавались челобитные на отведение земель и промысловых угодий. Царским указом новая пустынь наделялась землей для прокормления братии. Таким путем возникли Далматовский Успенский, Туруханский Троицкий и Усть-Киренский Троицкий монастыри. В каких-то обителях монашеская традиция пре-

⁷ Там же; Дулов А. В., Санников А. П. Православная Церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. Ч. 1. Иркутск, 2006 // Сайт «Иркутский МИОН». URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/ (дата обращения: 15.12.2017).

⁸ Судя по контексту сибирских документов XVII в., понятие «пустынь» применялось в тех случаях, когда монастырь возникал «на пустом месте», т. е. на незаселенной территории.

рывалась из-за отсутствия братии, так происходило в Туринске, Березове и Томске. Через некоторое время монастыри в этих городах обновлялись, но, как правило, уже на другом месте. К концу XVII в. на территории Сибирской епархии действовало 24 мужских и 8 женских монастырей.

Несомненно, православное население воспринимало монастыри не только как альтернативу богадельням. Миряне относились к обителям как к особому сакральному пространству. Так, в 1611 г. жители Тобольска построили в Тобольском Успенском монастыре Никольскую церковь за один день «по обещанию всех православных христиан от конского падежу», учредив «празднество и ход со кресты по вся годы»⁹. Строительство церкви именно в монастыре должно было усилить значение этого действия тобольчан и помочь достигнуть желаемой цели — прекратить падеж лошадей.

На территорию Сибири была перенесена традиция хождения мирян на богомолье в монастыри. Сохранившиеся вкладные книги Далматовского Успенского монастыря 1670-х гг. свидетельствуют о весьма распространенной практике вкладов на помин души родственников, в первую очередь родителей, а также «по своей душе» и с целью дальнейшего пострига в этой обители. Обязательной частью формуляра записей во вкладных книгах было указание о внесении имени поминаемого в синодик. Вкладчиками были люди разного социального статуса, большинство из них проживали в монастырской вотчине, слободах зауральских уездов, Тобольске и Тюмени¹⁰.

Возникновение и развитие монастырей в ходе колонизации во многом определяли их роль в жизни местного сообщества. Помимо социального призрения они были призваны выполнять важную духовную миссию: укоренение норм благочестия в местном православном сообществе и участие в христианизации аборигенного населения. Христианское наставничество и просветительство являлись обязанностью настоятелей обителей. Об этом свидетельствует благословенная грамота архиепископа Корнилия, данная в 1665 г. старице Параскеве на игу-

⁹ Книга записная // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 143.

¹⁰ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII вв.): сб. документов / сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992.

менство в Тюменском Алексеевском монастыре. Помимо управления монастырем «по правилу святых апостол и святых отец», игумении предписывалось «проповедати слово Господне всем православным христианам, дабы православнии христиане жили по заповедем Божиим»¹¹. Монастыри должны были играть роль своеобразных духовных центров. Для широкого почитания той или иной обители как духовного центра был необходим ряд условий: стабильность внутримонастырской жизни¹², обладание святынями (мощи святых, чудотворные и явленные, особо почитаемые иконы), проживание в монастыре подвижников благочестия — старцев, пользовавшихся авторитетом не только у братии, но и за пределами обители.

Появление «своих», местных святых — важнейший показатель укоренения православной традиции на осваиваемой территории. В XVII в. в Сибири началось почитание святых Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. Основатель Туруханского Троицкого монастыря старец Тихон сыграл ключевую роль в сохранении и развитии культа мангазейского святого. Первое свидетельство о выходе гроба с останками «новоявленного» святого в Мангазее относится к 1649 г. Спустя почти 20 лет, в 1670 г., старец Тихон отправился в Мангазею и стал очевидцем явлений и чудес по молитвам мученику Василию. Через некоторое время Тихон перенес его мощи в Туруханский монастырь, чем вновь привлек внимание светских и духовных властей к мангазейскому святому. В монастыре было составлено его житие, велись записи чудес¹³. Василий Мангазейский стал популярен не только у русских, но и у тунгусов, что сделало обитель местом паломничества.

В конце XVII в. недалеко от Верхотурья в селе Меркушино произошло обретение мощей праведного Симеона. Еще С. В. Бахрушин об-

¹¹ Плотников Г. С., *прот.* Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С. 9.

¹² Под «стабильностью внутримонастырской жизни» мы понимаем наличие относительно постоянного трудоспособного ядра общины, строгое соблюдение монастырского устава всей братией, отсутствие конфликтов внутри монашеского сообщества, содержание монастырского комплекса в порядке (своевременное проведение ремонтных и строительных работ).

¹³ Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 190–210.

ратил внимание на сходство «историй» Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. Их биографии легендарны, создавались в ходе «воспоминаний» местных старожилов и чудесных явлений. Их культы начинались с поклонения могилам, из которых выходили гробы. На наш взгляд, показательно, что мощи первых сибирских святых в конечном итоге оказались в монастырях: Василия Мангазейского — в Туруханском Троицком, Симеона Верхотурского — в Верхотурском Николаевском. Именно монастыри как институты Русской Православной Церкви могли обеспечить необходимую поддержку и развитие культов этих святых, ведение регулярных записей чудес и явлений, соблюдение христианского ритуала почитания.

Обладание явленной или чудотворной иконой также повышало авторитет обители в местном сообществе. В Туруханском Троицком, Далматовском Успенском и Албазинском Спасском монастырях почитание получили иконы, связанные с основателями обителей. Главной святыней Туруханского монастыря считалась икона Троицы. В одном из рукописных сборников, созданных в монастыре, помещено сочинение об исцелении немого Стефана от иконы Троицы в 1663 г. Но это единственное сохранившееся свидетельство о чудотворении туруханской святыни¹⁴. Согласно «Известию об основании Далматовского монастыря», старец Далмат, уходя из Невьянского Богоявленского монастыря, взял с собой икону Успения Богородицы и пришел с ней на место будущей Исетской пустыни. В 1660-е гг. основанная Далматом обитель трижды пережила набеги башкир и сибирских татар. Во времена этих страшных разорений и пожаров чудесным образом икона оставалась невредимой. Поэтому монастырскую церковь освятили в честь Успения Богородицы (сначала деревянную, а в начале XVIII в. — каменную), а икона стала широко почитаемой. Главной святыней Албазинского Спасского мужского монастыря стала чудотворная икона Божией Матери «Слово плоть бысть», принесенная старцем Ермогеном из Киренского монастыря¹⁵.

Тобольский Знаменский монастырь обрел свою святыню — чудотворный образ Богородицы Казанской — в 1661 г. События этого

¹⁴ Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Она же. Сибирь и литература. XVII век. (Избр. тр.). Новосибирск, 2002. С. 283–284.

¹⁵ Мангилёв П., прот. Ермоген Албазинский // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 647–648.

чудесного обретения описаны в «Сказании о явлении Казанской иконы Богородицы в Тобольске»¹⁶. Однако оно не было продолжено рассказами о более поздних чудесах, что, по мнению Е. К. Ромодановской, может свидетельствовать о малой популярности этой иконы¹⁷. Вероятно, это связано с тем, что к тому времени в Тобольске и всей Западной Сибири уже стала широко известна и почитаема другая икона — чудотворная икона Богородицы Знамения, находившаяся в приходской церкви на Абалацком погосте. Митрополитом Корнилием был найден компромисс: с 1665 г. абалацкую святыню стали ежегодно приносить в Тобольск 8 июля, в день празднования Казанской иконы Богородицы и выставлять в Казанской церкви Знаменского монастыря¹⁸.

С почитанием чудотворной иконы Богородицы Абалацкой связана судьба еще одного монастыря, но вряд ли его можно считать духовным центром наравне с вышеупомянутыми монастырями. Речь идет о Межугорском Ивановском монастыре, принадлежавшем Тобольскому архиерейскому дому. О нем сохранилось крайне мало сведений. Считается, что он был построен в 1653 г. по указу архиепископа Симеона как загородная резиденция для сибирских архиереев в 8 верстах от Тобольска на месте села Ивановского¹⁹. Через монастырь проходил маршрут крестного хода с чудотворной иконой из Абалака в Тобольск. Икона устанавливалась в монастырской церкви, где совершалось всенощное бдение, а утром процессия следовала дальше. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX в.²⁰ Однако уже к середине XVIII в. Ивановский монастырь скорее был просто архиерейским подворьем, чем обителью²¹.

Сохранилось крайне мало свидетельств о широко почитаемых святынях в сибирских монастырях. Однако мы предполагаем, что многие обители имели иконы, пользовавшиеся особой популярностью у мирян.

¹⁶ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / сост. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 192–195.

¹⁷ Там же. С. 375.

¹⁸ Там же. С. 170–171.

¹⁹ Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. Красноярск, 1983. С. 24.

²⁰ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века... С. 169; Сулоцкий А. И. Сочинения в 3 томах. Т. 1: О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 139–142.

²¹ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера). Портф. 481/1. Д. 1. Л. 13 об.

Об этом могут свидетельствовать косвенные данные — описания прикладов к иконам в монастырских церквях. В частности, такие сведения сохранились в дозорной книге Тобольска 1624 г. К тому времени на территории Тобольского Успенского монастыря размещались Успенская с приделом во имя прп. Варлаама Хутынского и Никольская церкви. В описании первого храма особого внимания заслуживает икона свт. Николая Чудотворца. Это был образ-пятница с чеканным серебряным окладом «с трубами», венцом и гривной, украшенными бирюзой и рубинами. Икона находилась в киоте, обложенном черным бархатом, его притворы с изображением чудес Николая Чудотворца были в серебряном с позолотой окладах. На ней и рядом отмечены приклады: 4 большие и малые «басмяные» серебряные с позолотой гривны с двумя маленькими серебряными иконками свт. Николая, богато украшенная бархатная и атласная пелены, золоченые и «незолоченые» копейки, нательные кресты²². В Никольской церкви особым почитанием пользовался местный образ Николая Можайского, к которому были приложены 4 серебряные гривны, серебряный с позолотой нательный крест и копейки²³. В Знаменской церкви Тобольского Знаменского монастыря, построенной незадолго до составления дозорной книги 1624 г., местный ряд составляли иконы Богородицы Знамения, Успения и Одигитрии. Последний образ выделяется среди остальных и богатством украшения («обложен серебром, в киоте, оклад басмяной позолочен»), и прикладами²⁴. Однако более поздних сведений об этих иконах не сохранилось; не исключено, что они погибли в одном из пожаров, часто случавшихся в Тобольске.

Как отмечалось выше, еще одним важным фактором, повышавшим статус обители в местном сообществе, являлось проживание в ней авторитетных старцев. На протяжении истории Русской Православной Церкви понятие «старец» существенно трансформировалось. Если в документах XVII в. «старцами» и «старницами» называли всех принявших постриг, то позднее понятие «старец» приобрело более глубокий смысл. Так, составители сборника «Старчество на Урале», опираясь на труды святителя Игнатия (Брянчанинова), предлагают два толкования слова «старец»: первое — это подвижник, достигший весьма высокой меры духовного

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 3. Л. 64 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

преуспеяния, имеющий дар духовного рассуждения, способный наставить других на путь спасения; второе — преуспевший в духовной жизни инок, который помогает менее опытным братьям проходить монашеский подвиг²⁵. На наш взгляд, в реальной жизни эти толкования сложно разделить, скорее, это две ступени духовного преуспеяния: от наставничества братии к просветительству и наставлению всех страждущих. Сибирское делопроизводство XVII в. сохранило имена основателей и настоятелей некоторых монастырей, чьи деяния можно оценить как вклад в процветание обители. Но, как правило, такого рода источники содержат информацию лишь об их хозяйственной деятельности (строительство, расширение земельных владений, поиск источников обеспечения монастыря, и т. д.). По крайне скудным косвенным данным можно говорить о том, что большой авторитет и у братии, и у мирян имели архимандрит Тобольского Успенского/Знаменского монастыря Тарасий²⁶, черный священник/игумен Тюменского Троицкого монастыря Андриан²⁷, основатель и строитель Усть-Киренского монастыря и Албазинской Спасской пустыни Ермоген²⁸, игумен Иркутского Вознесенского монастыря Макарий.

До нас дошло лишь два сочинения, созданных в сибирских монастырях и прославляющих иноческий подвиг «начальных» старцев. Так, в Туруханском Троицком монастыре появилось сочинение «О поставлении и о начале обители святыя Троицы в Туруханских пределах при устии реки, зовомья Тунгуски»²⁹. В нем основатель монастыря старец Тихон предстает как духовный наставник «соиночествующих». «Ученицы его» уговорили старца принять чин священства, чтобы иметь попечение «о собранном малом стаде и о святой церкви»³⁰. Аскетический образ жизни Тихона («постничество», ношение вериг) являл собой при-

²⁵ Старчество на Урале / Церковно-ист. каб. Ново-Тихвинского жен. монастыря. Екатеринбург, 2011. С. 18.

²⁶ Манькова И. Л. Тобольский Знаменский монастырь в первой половине XVII века: рождение и становление. С. 139–178.

²⁷ Манькова И. Л. Становление традиции монашества в Тюмени XVII в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2017. Т. 3, № 2. С. 122–136.

²⁸ Мангилёв П., прот. Ермоген Албазинский. С. 647–648.

²⁹ Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском // Он же. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 331–354.

³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. III. С. 469–470.

мер истинного христианского монашества. В Далматовском Успенском монастыре в начале XVIII в. было написано «Известие об основании Далматовского монастыря», скорее всего, составленное сыном основателя обители (старца Далмата) архимандритом Исааком³¹. Сохранившиеся документы позволяют реконструировать биографию старца Далмата (в миру Дмитрия Ивановича Мокринского), получить представление о нем как о личности и проверить достоверность фактов, сообщенных в сочинении о возникновении монастыря³². Благодаря авторитету старца Далмата Успенская обитель стала известным духовным центром Зауралья и Западной Сибири. Строгим соблюдением норм монашеской жизни, начитанностью и мудростью он приобрел большое уважение среди братии и мирян. Не исключено, что Далмат был автором популярного среди старообрядцев сочинения «Об антихристе и тайном царствии его». Под влиянием старца Далмата в обители сформировались такие яркие личности, как первый игумен (архимандрит) Исаак и игумен Афанасий, ставший впоследствии видным церковным деятелем, архиепископом Холмогорским и Важеским, известным писателем и полемистом³³. На одной из книг, подаренных монастырю, он сделал запись: «Послал сию книгу Историю Царевича Иоасафа Индийскаго с Москвы в Сибирь, в пустыню Успенскую, на Исеть, Святейшаго Патриарха крестовый иеромонах Афанасий, учителю своему старцу Далмату со ученики»³⁴. В 1682 г. патриарх Иоаким пожаловал книгу Иоанна Златоуста «О священстве» (М., 1664) игумену Исааку, назвав его учеником Далмата³⁵. В начале XVIII в. могилы старцев Далмата и Ермогена Албазинского³⁶ стали почитаться наравне с другими святынями обителей.

Появление городов и монастырей имело большое значение для распространения христианства среди коренного населения Сибири. Под-

³¹ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря... С. 184–186.

³² Манькова И. Л. Далмат // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII. С. 650–652.

³³ Панич Т. В. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 117–125.

³⁴ Плотников Г. С., прот. Описание мужского Далматовского Успенского... С. 83. Запись сделана на книге «Повесть о преподобных Варлааме и Иоасафе» (М., 1680?). Афанасий служил крестовым иеромонахом при патриархе Иоакиме с осени 1679 г. по март 1682 г.

³⁵ ГАШ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 96. Л. 165.

³⁶ Ермоген принял схиму и находился в Усть-Киренском Троицком монастыре до своей кончины, случившейся 19 декабря 1690 г. Похоронен в монастырской Троицкой церкви.

готовка (катехизация) и крещение происходили в монастырях, где готовившиеся к крещению проводили около 6 недель. К сожалению, сохранившиеся документы не дают возможности определить, все ли сибирские монастыри были вовлечены в процесс христианизации. Известно, что манси Верхотурских волостей проходили катехизацию в Верхотурском Николаевском монастыре. В дальнейшем новокрещену не разрешалось жить вместе с некрещеными сородичами, поэтому его новым местом жительства становились либо город, либо архиерейские и монастырские вотчины³⁷. Одна из типичных историй новокрещена приведена в работе С. В. Бахрушина, посвященной истории Красноярского уезда. Казаха Аргамачку крестили в Красноярском Введенском монастыре с именем Якушко Максимов, после чего он поселился в монастырской деревне Березовке, а через некоторое время игумен Филипп женил его на девке Анютке «мугальской породы», также принявшей крещение³⁸.

С процессом христианизации коренного населения связана история возникновения Троицкого монастыря в бывших владениях кондинских князей Алачевых. Он был основан в 1653 г. по челобитной остяков 14 ясачных волостей³⁹. Просьбу остяков поддержал Сибирский архиепископ Симеон. Около заброшенных Троицкой и Зосимо-Савватиевской церквей в Кодском городке возникла небольшая монашеская община. Началось монастырское строительство и возведение новой теплой церкви в честь Благовещения. Благодаря царским пожалованиям руги, земли, торговых и таможенных льгот монастырю удалось создать довольно устойчивое хозяйство⁴⁰. Крещеные остяки жили в монастыре и работали на него в качестве «крепостных служебников» и трудников. В переписной книге 1673 г. отмечено 11 дворов «новокрещеных бобыльков», живших «за монастырем»⁴¹.

Сохранившиеся документы не дают ответа на вопрос, занимались ли кондинские монахи проповеднической деятельностью среди иновер-

³⁷ Главацкая Е. М. Государство, Церковь и новокрещены // История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. С. 64–65, 70

³⁸ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. М., 1959. С. 145, 146.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 400. Л. 154–154 об.

⁴⁰ СПб АРАН. Ф. 21 (Портфели Миллера). Оп. 4. Д. 10. Л. 210.

⁴¹ Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 529–531.

цев. Из них следует, что обращение остяков к православию в основном диктовалось материальными трудностями. Лишь по косвенным данным можно судить о том, что в Кондинском монастыре проходили катехизацию и крещение. Так, в 1688 г. игумен Макарий обратился к светским властям с просьбой дать подводы для доставки из Тобольска в Кондинский монастырь большого груза, в котором находились и 20 бараньих шуб «новокрещенным в милостыню»⁴².

Предпринимались попытки обращения в православную веру и народов Северо-Восточной Сибири. Здесь форпостом считался Якутский Спасский монастырь. Известно, что в 1668 г. митрополит Корнилий отправил иеромонаха этого монастыря Макария распространять православие среди населения, проживавшего на Индигирке и Колыме. Старец вернулся из этой поездки через 15 лет⁴³.

Началом активной миссионерской политики Москвы в Сибири можно считать решение церковного Собора 1680 г. об отправке за Байкал на реку Селенгу 12 монахов во главе с игуменом Темниковского Срегенского монастыря (Тамбовская епархия) Феодосием. Эта группа получила в литературе название «Даурская духовная миссия». Она направлялась «для призыву и крещения в православную христианскую веру иноземцов, и строити монастырь во имя Живоначалныя Троицы»⁴⁴. Добравшись до места назначения, участники миссии основали Селенгинский Троицкий монастырь. К сожалению, сохранившиеся документы не содержат данных, позволяющих оценить результаты и масштабы миссионерской деятельности селенгинских иноков. Известно, что в деятельности миссии принимали участие выходцы из местной знати.

Таким образом, русское освоение Сибири сопровождалось перенесением на новые земли традиционного уклада жизни православного населения, важное место в котором занимали монастыри. Инициаторами их создания могли выступать миряне, монашествующие и епархиальные власти. В монастыри людей приводили разные жизненные ситуации: это мог быть духовный и нравственный выбор пути спасения души через принятие монашеских обетов, однако чаще человек принимал решение уйти в монастырь под давлением жизненных обстоятельств. На началь-

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 257.

⁴³ Дулов А. В., Санников А. П. Православная Церковь в Восточной Сибири...

⁴⁴ АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 101.

ном этапе колонизации Сибири монастыри выполняли в первую очередь функции богаделен и сакральной защиты территории проживания православного населения. Это объясняется сложными условиями жизни на колонизируемых землях. Вместе с тем, монастыри способствовали укреплению норм благочестия в местных сообществах, участвовали в христианизации коренного населения Сибири. На наш взгляд, стоит с осторожностью использовать понятие «духовный центр» применительно к сибирским монастырям XVII в. Должно было пройти определенное время, чтобы монастыри стали в полном смысле духовными центрами, т. е. местами сосредоточения духовности. Для этого был необходим ряд условий: стабильность внутримонастырской жизни, обладание святынями, проживание в монастыре известных старцев-подвижников благочестия. Такими духовными центрами можно считать Тобольский Знаменский, Верхотурский Николаевский, Далматовский Успенский, Туруханский Троицкий, Киренский Троицкий монастыри и Албазинскую Спасскую пустынь. Для применения этого понятия к другим урало-сибирским обителям пока еще недостаточно информации.

Сведения об авторе. Манькова Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург).

Email: ilman.08@mail.ru

Список литературы

1. Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 509–532.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2; СПб., 1842. Т. 5.
3. Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском // Он же. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 331–354.
4. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. М., 1959.
5. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII вв.): сборник документов / сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992.
6. Главацкая Е. М. Государство, Церковь и новокрещены // История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. С. 57–77.
7. Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. Р–683 (Шадринское научное хранилище). Оп. 1. Д. 96.

8. Дулов А. В., Санников А. П. Православная Церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. Ч. 1. Иркутск, 2006 // Сайт «Иркутский МИОН». URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/ (дата обращения: 15.12.2017).
9. Книга записная // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 138–177.
10. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / сост. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001.
11. Мангилёв П., прот. Ермоген Албазинский // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 647–648.
12. Манькова И. Л. Далмат // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIII. 650–652.
13. Манькова И. Л. Становление традиции монашества в Тюмени XVII в. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 122–136.
14. Манькова И. Л. Тобольский Знаменский монастырь в первой половине XVII века: рождение и становление // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 139–178.
15. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. III.
16. Панич Т. В. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 117–125.
17. Плотников Г. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, б. г. (перепечатка нач. 1990-х гг. с издания: Екатеринбург, 1906).
18. Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Она же. Сибирь и литература. XVII век. (Избранные труды). Новосибирск, 2002. С. 283–291.
19. Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 190–210.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Д. 400, 1058; Ф. 199 (Портфели Миллера). Портф. 481/1. Д. 1.
21. Санкт-Петербургский архив РАН. Ф. 21 (Портфели Миллера). Оп. 4. Д. 10.
22. Старчество на Урале / церковно-ист. каб. Ново-Тихвинского жен. монастыря. Екатеринбург, 2011.
23. Сулоцкий А. И. Сочинения в 3 томах. Т. 1: О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000.
24. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994.
25. Федоров И. Г. Очерки по истории монастырей приенисейской Сибири в досоветский период. Красноярск, 2017.
26. Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронта. Автореф. дисс. ... к. и. н. Томск, 2008.

И. Л. Манькова

27. Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983.

Irina L. Mankova

THE ROLE OF MONASTERIES IN RELIGIOUS LIFE OF THE URAL AND SIBERIA POPULATION IN THE 17TH CENTURY

Abstract. The article considers a problem of monasteries' participation in religious life of the population of the Ural-Siberian region during its colonization. The author shows dynamics of monasteries establishment as the Russians had begun to settle in here. At first, they founded monasteries in the cities-fortresses, which were basic foothold for colonization; then hermitages and monasteries began to appear in the districts that were still little-developed. These were laity, monks and diocesan authorities who founded such monasteries and hermitages. People came to monasteries for various reasons; they often decided to take the veil due to some desperate situation. At the initial stage of colonization, monastery served primarily as an alms-house and a sacred protection of the territory inhabited by the Orthodox people. This was caused by difficult living conditions on the colonized lands. However, the monasteries helped to strengthen the norms of piety in local communities. Lay people undertook pilgrimages to monasteries and made contributions to pray for the dead. Some monasteries got especially revered shrines — miraculous and locally venerated icons, relics of local saints, graves of the monasteries' founders. By the end of the 17th century some monasteries turned to be true spiritual centers. This was encouraged by stability of a monastic life, presence of shrines, great popularity and credibility of some elders, real zealots of piety. Monasteries' participation in the process of Christianization of the indigenous population manifested in the fact that catechization and baptism were held there, and monastic estates became places of residence for the newly baptized. At the request of Ostyaks of the Kondinsky settlement, the Trinity Monastery was established in Kondinsky. In 1680 Church Council decided to send the so-called “Daurian Spiritual Mission” led by hegumen Theodosy to the Selenga-river on the other side of Lake Baikal; it can be considered the beginning of active missionary policy of Moscow in Siberia. Preserved documents are not sufficient to evaluate the scope and results of missionary activity of the Selenga monks.

Keywords: *colonization of the Urals and Siberia, history of Orthodoxy of the 17th century, monasteries, miraculous icons, relics of saints, Christianization.*

Citation. Mankova I. L. Rol' monastyrei v dukhovnoi zhizni naseleniia Urala i Sibiri v XVII veke [The Role of Monasteries in Religious Life of the Ural and Siberia Population in the 17th Century]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 4 (24), pp. 160–178. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10405

About the author. Mankova Irina Leonidovna — Candidate in Historical Science, Leading Researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg). *Email:* ilman.08@mail.ru

References

1. Akishin M. O. *Materialy k istorii Kondinskogo Troitskogo monastyria XVII v.* [Materials on the History of the Kondinsky Trinity Monastery of the 17th Century]. *Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.* [Russian State in the 14th–17th Centuries]. Saint Petersburg, 2002, pp. 509–532.
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographical Commission]. Saint Petersburg, 1841, vol. 2; Saint Petersburg, 1842, vol. 5.
3. Bakhrushin S. V. *Legenda o Vasilii Mangazeiskom* [The Legend of Vasily Mangazeytsky]. *Idem. Nauchnye trudy* [Scientific Works]. Moscow, 1955, vol. II, pt. 1, pp. 331–354.
4. Bakhrushin S. V. *Nauchnye trudy. T. IV: Ocherki po istorii Krasnoarskogo uezda v XVII v. Sibir' i Sredniiaia Aziia v XVI i XVII vv.* [Scientific Works. Vol. IV: Essays on the History of Krasnoyarsk County in the 17th Century. Siberia and Central Asia in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, 1959.
5. Dulov A. V., Sannikov A. P. *Pravoslavnaia Tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII — nachale XX vekov. Ch. 1.* [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the 17th — Early 20th Centuries. Pt. 1] ch. I. Irkutsk, 2006. Available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/church/ (accessed: 15.12.2017).
6. Fedorov I. G. *Ocherki po istorii monastyrei prieniseiskoi Sibiri v dosovetskii period* [Essays on the History of Monasteries of the Yenisei Siberia in the pre-Soviet Period]. Krasnoyarsk, 2017.
7. Glavatskaya E. M. *Gosudarstvo, Tserkov' i novokreshcheny* [State, Church and the Newly Baptized]. *Istoriia Ekaterinburgskoi eparkhii* [History of the Ekaterinburg Eparchy]. Ekaterinburg, 2010, pp. 57–77.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv v g. Shadrinske (GASh)* [State Archives in Shadrinsk]. Stock R–683 (Shadrinskoe nauchnoe khranilische). L. 1. Dos. 96.
9. Khromykh A. S. *Ruskaia kolonizatsiia Sibiri poslednei treti XVI — pervoi chetverti XVII veka v svete teorii frontira* [Russian Colonization of Siberia of the Last Third of 16th — First Quarter of 17th Century in the Light of the Frontier Theory]. Abstract of PhD thesis. Tomsk, 2008.
10. *Kniga zapisnaia* [Kniga Zapisnaya]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 36: Sibirskie letopisi. Ch. 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 36: Siberian Chronicles. Pt. 1: The Esipovskaya Chronicle Group]. Moscow, 1987, pp. 138–177.
11. Mangilev P., prot. Ermogen Albazinskii [Hermogen Albazinskiy]. *Pravoslavnaia entsiklopediia — Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2008, vol. XVIII, pp. 647–648.
12. Mankova I. L. (ed.). *Vkladnye knigi Dalmatovskogo Uspenskogo monastyria (posledniia chetvert' XVII — nachalo XVIII vv.): sbornik dokumentov* [Contributory Books of the Dalmatovo Uspensky Monastery (last quarter of the 17th — early 18th centuries). Collection of Documents]. Sverdlovsk, 1992.

13. Mankova I. L. Dalmat. *Pravoslavnaia entsiklopediia — Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2006, vol. XIII, pp. 650–652.
14. Mankova I. L. Stanovlenie traditsii monashestva v Tiumeni v XVII veke [Formation of the Monasticism Tradition in Tyumen in the 17th Century]. *Vestnik Tumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates — Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 122–136.
15. Mankova I. L. Tobol'skii Znamenskii monastyr' v pervoi polovine XVII veka: rozhdenie i stanovlenie [Tobolsk Znamensky Monastery in the First Half of the 17th Century: Birth and Formation]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2014, no. 2 (8), pp. 139–178.
16. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [The History of Siberia]. Moscow, 2005, vol. III.
17. Panich T. V. Afanasii. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 1.* [Dictionary of Scribes and Book-learning of the Ancient Russia]. Vol. 3 (17 c.), pt. 1. Saint Petersburg, 1992, pp. 117–125.
18. Plotnikov G. S. *Opisanie muzhskogo Dalmatovskogo Uspenskogo monastyria i byvshego pripisnym k nemu zhenskogo Vvedenskogo monastyria* [Description of the Men's Dalmatov Uspensky Monastery and Vvedensky Convent Attached to It]. Ekaterinburg, 1906.
19. Pokrovsky N. N., Romodanovskaia E. K. (eds.). *Tobol'skii arkhieieiskii dom v XVII veke: sbornik dokumentov* [Tobolsk Bishop's House in the 17th Century. Collection of Documents]. Novosibirsk, 1994.
20. Romodanovskaia E. K. Legenda o Vasilii Mangazeiskom [The Legend of Vasily Mangazeysky]. *Novye materialy po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [New Materials on the History of Siberia of the pre-Soviet Period]. Novosibirsk, 1986, pp. 190–210.
21. Romodanovskaia E. K. Legenda o Vasilii Mangazeiskom i turukhanskaia literaturnaia traditsiia [The Legend of Vasily Mangazeysky and the Turukhansk Literary Tradition]. *Eadem. Sibir' i literatura. XVII vek. (Izbrannye trudy)* [Siberia and the Literature. 17-th Century. (Selected Works)]. Novosibirsk, 2002, pp. 283–291.
22. Romodanovskaia E. K., Zhuravel' O. D. (eds.). *Literaturnye pamiatniki Tobol'skogo arkhieieiskogo doma XVII veka* [Literary Monuments of Tobolsk Bishop's House of the 17th Century]. Novosibirsk, 2001.
23. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214 (Sibirskiy prikaz). L. 3. Doss. 400, 1058; Stock 199 (Portfeli Millera). Portf. 481/1. Dos. 1.
24. Sankt-Peterburgskii arkhiv RAN [Saint Petersburg Archive of RAS]. Stock 21 (Portfeli Millera). L. 4. Dos. 10.
25. Shorokhov L. P. *Korporativno-votchinnoe zemlevladienie i monastyrskie krest'iane v Sibiri v XVII–XVIII vekakh* [Corporate and Patrimonial Land Tenure and Monastic Peasants in Siberia in the 17th and 18th Centuries]. Krasnoyarsk, 1983.
26. *Starchestvo na Urale* [Spiritual Eldership in the Urals]. Ekaterinburg, 2011.
27. Sulotsky A. I. *Sochineniia v 3 tomakh. T. 1: O tserkovnykh drevnostiakh Sibiri* [Works in 3 volumes. Vol. 1: On the Church Antiquities of Siberia]. Tyumen, 2000.